ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Г. ВАСИЛЬЕВ

* * *

Счастье вечным быть не может
Вечной может быть беда
Счастье помыслы стреножит
А несчастье — никогда.
По несчастьям, как ступеням.
Поднимаюсь я к мечте.
Никакого отступленья
В ежедневной суете.
Чем стремленья богаче,
Тем полнее жизнь моя
Если спишь один у печи,
То теряешь, мучусь я.
Хорошо, когда ругают,
Хуже — вслух благодарят.
Плохо, если замечают
И безжалостно молчат!

* * *

Как листья яблоневых веток
в весеннем почечном плену,
слова растут
и просят свете
сквозь немоту и пелену.
Еще зародыши слепые,
духовный полуфабрикат...
Кому нужны они такие —
не прошедшие прокат?
Какое теплое дыханье
их обогреет, разверстет,
заставит вырваться
стихами
и к людям ринуться
в полет?
Работы жаждет
мастерская,
лежат бездушные сыоцы...
Я очень редко выпускаю
на свет готовые столбцы.
Когда мне кажется,
что слово
прокатано, в ряду
цветет —
считаю: вот оно готово!—
И пусть живет слово,
поет.

Н. СОЧИХИН

ПОДОРОЖНИК

Я с детства рос неосторожным,
Не щадил ни рук, ни ног.
Добродушный подорожник
Врачевал меня, как мог.
Разомнешь его. Потуже
Замотаешь. И айда!
На войне бывает хуже,
Ну а это — ерунда.
И не плакал я от злости,
Хоть отчаянно везло
Не заржавленные гвозди,
Не разбитое стекло.
И теперь, когда безбожно
Обольют отравой слое,
Мне бы только подорожник
Отыскать... И всех делов.

И. КИРИЛЛОВ

ТРЕВОГА

Ночь взорвана,
броском рассечена,
Как булка хлеба
черного,
разломлена.
Все побоку, что прожито и пройдено,
В судьбе зияет
рваная дыра.
Зияет в небе
черная дыра,
Была звезда —
и вот ее не стало.
Ты — единица личного состава,
И жить тебе,
возможно,
до утра.
А жить тебе, возможно,
до утра...
А чем иных ты лучше
или хуже?
Мощь сочетания —
мужчина и оружие —
Измерено лишь тяжестью утрат.
Измерена лишь
горечью утрат
Испепеляющая горечь пораженій,
Но только на способность к
возрождению
Определяется и подвиг и талант.
Но измеряется лишь
подвигом
талант,
Ведь интеллект
скудает без отваги.
Хмельным азартом выигранной
браги —
Ночь взорвана, броском рассечена.
Ночь взорвана,
броском рассечена,
За мной пыхтит
надежда человечества.
К утру не будет жертвых,
покалеченных:
Пока еще не началась война.
Пока еще не началось
война,
И это лишь учебная
тревога —
Мы падаем в траву, задравши ноги,
И льется в души неба синева.

Р. АСРИЯНЦ

Тридцать два года —
пропасть во времени.
Многих уже не стало.
Но в Памяти нет лабиринтов
забвения.
В Памяти нет провалов.
Не постарели — они все те же, —
Это вчера они шли в атаки,
Насмерть стояли в окопах снежных,
С песнями шли под танки.
Это вчера под дождем свинцовым
Провожали друзей в бессмертие.
А сегодня... ничего такого.
Просто — тридцатидвухлетие.
Просто ходить с каждым днем
труднее:
Просто солнце к закату клонится,
Просто с каждой ночью сильнее
Одолевает бессонница.

П. СУХАНОВ

Желание

Хочу осмыслить все сначала
И, внемля зову журавлей,
Созвать к единому причалу
Живущих на земле людей.
Хочу без слез и суесловья,
Открыто глядя им в глаза,
Сказать с надеждой и любовью
Товарищи, мы все — друзья!
Пускай рассеются тревоги.
Пусть доброте не знает зла.
...Хочу, чтоб всем в пути-дороге
Хватало хлеба и тепла.

Л. НЕСТОР

ОСТРОВА

Где-то есть
Дикие,
Где-то есть
Дальние,
Никем не открытые
Острова,
Самые грустные,
Неприкаянные,
Там обитают
Мои слова.
Самые теплые,
Самые нежные,
По-настоящему
Хорошо,
Милые, славные,
Безмятежные,
Самые, самые,
Что от души.
Тихо-тихонько
Звенят над волнами,
Тихо-тихонько
Исчезнут вдали,
За неоткрытыми
Островами
Первые горькие
Слёзы мои.
Дикие чайки,
Дикие волны,
Дикие звери...
Как древним дань,
Мы первозданно
С тобой
Влюбленные
Встретимся скоро
Столетьям назло.
Нет здесь причалов —
Углов преткновенья.
Нет никого,
кроме нас.
Повезло!
Мы с тобой рядом —
Где-то на диком.
Мы с тобой рядом!
А где —
Все равно.

О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

ДИКУША

Т. ЦАРЕНКО

ПРИБЛУДИЛСЯ к нам котеночек. Выхожу утром, вижу, на лестничной площадке, в уголке притаился черный комочек. Мордашка скуластая, острые, глаза по-рысьи раскосые, желтые-желтые, словно перезрелая морошка Я — «кис-кис», а он взъерошился, хвост — словно ершик, котором бутылки моют, и шипит, как рассерженный гусь. Он мне все руки исцарапал, когда я попыталась его взять. В квартире котенок забился под кровать и не вылезал оттуда. Откуда такой дикий взялся, удивлялись мы. Так его Дикушей и прозвали (кошечка это оказалась). Правда, дичиться долго ей не пришлось. Дети все под кровать заглядывали: как там Дикуша, молоко на блюдечке подсовывали, лакомые кусочки. Обстановка совсем не подходящая для диких инстинктов. Ну, котенок и вылез из своего убежища.

Характер у Дикуши оказался общительный, ласковый. Все в доме ее знали, угощали, баловали, звали в гости. В гости Дикуша наведывалась с удовольствием. По-свойски заходила в квартиру, знакомилась со всеми и, наугощавшись досыта, вежливо мурлыкала на прощанье и шла домой. Может, она весь дом считала своим домом?

И вот однажды какая с ней история из-за ее хождений вышла. Представьте себе, наша Дикуша задержала выход в море подводной лодки. Мы ведь в военном гарнизоне жили, и население тем все военное было. Над нами, этажом выше, жил капитан второго ранга, командир подводной лодки. Летом его жена уехала на юг, а капитан почти все время находился на подче И вот в эту-то квартиру попала наша Дикуша. То ли сама напросилась в гости, то ли незваная зашла посмотреть чужую квартиру, в хозяин не заметил ее или забыл про свою гостью. Мы с ног сбились: пропала кошка. День прошел, ночь— нет Дикуши. Вдруг слышу откуда-то сверху отчаянное мяуканье. Поднялась на третий этаж, а из-за двери квартиранта наша кошка жалобно мяукает. Что же делать? Дверь не выломаешь и на голодную смерть Дикушу не оставишь. Я помчалась в комендатуру. Помню, как удивился оперативный дежурный, когда я, горонясь и путаясь, просила сообщить на подводную лодку необычную просьбу. Вызвать командира! Кошка? Какая кошка? В конце концов он все же понял, чего я хочу, и прямо при мне отстучал морзянку. «Капитану второго ранга товарищу Твердохлебову срочно прибыть домой квартире кошка». Дикушу капитан принес прямо домой. Я думала, сердитый будет. А он улыбается: «Ну и случаи. Пришлось командующему доложить».

Вот так бы и прожила наша кошка ласковой и доброй, любимом всеми, если не резкая перемена в нашей судьбе, точнее, перемена местожительства. Муж демобилизовался, и мы уехали из суровой Заполярья в солнечный Крым. Дикушу, конечно, с собой взяли. В совхозе, куда мы приехали жить, нам дали большой старый дом со множеством пристроек и сараев. Дикуша ходила как потерянная. И сам дом, гулкий и просторный, и сад, и непривычные густые запахи трав, смородины, цветущей акации, тяжелые, отливающие янтарем виноградные гроздья — все это Дикушу, которая, кроме угрюмых каменистых сопок, ничего не видела, настораживало, пугало, подавляло. Она даже заболела. Лежит на окне, нос сухой, горячий, глаза грустные-грустные.

Постепенно стала наше кошке привыкать к новому месту. Выйдет из дому и пошла по кустам обследовать, что, где и как. Мы радуемся. Только одного не учли: была Дикуша кошкой городской и сельские законы не знала. Росла без особых запретов. Знала, что со столе нельзя ничего воровать, и старалась выпросить. Раньше она никогда не видела ни кур, ни гусей и только гоняла редких воробьев, садящихся на землю поклевать крошек. Когда она подкрадывалась к ним, она напоминала настоящую рысь: таким диким и горящим был ее взгляд. Может, проснулись в Дикуше древние инстинкты при виде такого множества мелетающих птичек — утят и цыплят, которых совсем легко можно было поймать, только стала наша Дикуше вполне оправдывать свою кличку,

Разбой ее начался с самой невинной шалости. Залезла, любопытствуя, в соседний курятник, а там несушки сидели на гнездах. Переполох поднялся невероятный. Уж не знаю, кто из них — всполошенная ли курица или кошка нечаянно яйцо из гнезда выкатили. Шлепнулось оно на землю и разбилось. Прибежавший на шум хозяин застал кошку за трапезой. Конечно, он решил, что она не раз такие штучки проделывала, и хватил нашу любимицу палкой по спине. Дикуше прямо взвилась вся (он сам нам потом об этом рассказывал), мы ведь никогда ее не били. И уж не знаю, что тут с ней произошло. Злость против несправедливого наказания словно подхлестнула ее на новые подвиги. Что ни день—то новость: у того гусенка задавила, там сразу трем цыплятам горло перегрызла. Приговор был категорический, таких штучек в селе не прощают. Пообещали мы сами принять меры.

И вдруг Дикуша пропала, да так надолго, что мы ее уже и в живых не надеялись увидеть. Но месяца чрез полтора является да не одне, в с котенком. Дичок такой же: топорщится, хвост — бутылочным ежиком, шипит — не подходи. А кошка наша словно улыбается: глаза ласковые, мурлычет, к каждому приласкаться хочет. Соседи узнали, что вернулась кошка, быяи недовольны: опять за старое примется, разбойница. Да и мы сами этого побаивались. Однако Дикуша не только нас — все село удивила.

Вскоре после возвращения кошки пошли дети в лес за кизилом, в принесли... щенков. Два крошечных слепых комочка (я даже сначала за крольчат их приняла). Дочка придумала Дикуше их подбросить: у нее молока, мол, много, а котенка уже подкармливать можно. Но примет ли она их, вот вопрос Все оказалось неожиданно легко. Дочка положила ей под бок щенят, а кошка лишь половчее повернулась — как будто всю жизнь ждала таких подкидышей. И те тоже не растерялись, моментально присосались.

Но самое невероятное случилось потом. У соседки Наташи утка высидела всего лишь одного утенка. «Куда он мне, — говорит Наташа, — жалко, да выбросить придется». «Отдайте его нам»,—попросила. «Да его же кошка ваша съест», — засомневалась соседка. Но все же отдала. Побоявшись, что Дикуша задавит утенка, я все время держала его в доме. Но однажды, когда меня не было дома, дочка выставила ящик, в котором жил утенок, на улицу, на солнышко, заигралась и забыла про своего подопечного. Потом рассказывала мне: кинулась вспомнив, к ящику, а утенка нет. Ну, все, решила съела его Дикуша. Забежала в пристройку, где Дикуша со своим семейством жила, да так и остановилась в удивлении на пороге. Лежит Дикуша, сладко закрыв глаза, все ее дети спокойно спят, а утенок сидит у нее прямо на шее, пригрелся, клювик в шерсть кошачью зарыл.

Потом на эту семейку пол-села приходило смотреть. Придут, посмотрят, покачают головой удивленно: ну и дела. А Дикуша за утенком ухаживала не хуже, чем за котенком или щенками. Выливает его и покорно терпит, когда он взбирается по ней своими лапками-шлепанцами. Когда они все подросли, то, не нуждаясь уже в Дикушиной опеке, разбежались кто куда. Один лишь утенок, превратившийся, впрочем, во взрослую утку, все ходил за ней по пятам и тревожно кряхал, если ее не было слишком долго. Все давно забыли, что Дикуша наша разбойничала, а вот что вырастила кошка двух щенков, котенка и утенка, до сих пор помнят.